

УДК 130.2

АМЕРИКАНСКИЙ АЛАРМИЗМ КАК РАЗВИТИЕ ИДЕИ О СМЕРТИ ЗАПАДА

© 2013 г.

А.Ю. Стрижов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

stralex@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.03.2013

Рассматривается связь идеи о смерти Запада, возникшей в конце XIX – начале XX в., и современным страхом американского общества за судьбу своей страны (американским алармизмом). Обращается внимание на сходства и различия между «концом истории», порожденным немецкими философами позапрошлого столетия, и американским самоутверждением себя в качестве хранителя мировых ценностей.

Ключевые слова: исторический прогресс, алармизм, смерть Запада, имперское перенапряжение, мягкая сила, конец истории.

Географическое положение США показывает, что страна, удаленная от основного театра военных действий в XIX веке скорее претендовала в мировой политике на роль судьи, чем нового гегемона, однако в следующем столетии она поменяла свои намерения. За счет выхода за пределы своей естественной позиции на мировой арене, США явились объектом, не испытывавшим на себе кризиса идеи исторического прогресса, который пережил западный мир: по Гегелю, развитие мировой истории останавливалось на немецком народе, по Марксу – на возможности перехода к социализму, который был идеологически невозможным для США.

Вместе с тем в XX веке Северная Америка, претендовавшая уже на некоторую степень ментальной самостоятельности от Старого Света, не могла подумать о мировом господстве без взаимодействия с великими державами Европы (это ярко демонстрирует политический курс президента В. Вильсона). Из этого следует, что США не могли считать себя автономной от Запада моделью социального устройства (как минимум, до Второй мировой войны). Таким образом, ментальная дифференциация между Старым и Новым Светом, скорее всего, очень расплывчата, что говорит о том, что США, соотнося себя с европейской культурой (на общих с ней ценностях эпохи Просвещения), могли перенять и умонастроения своих соседей по Атлантике. В частности, развивающуюся в интеллектуальных кругах идею о скорой смерти Запада. Об этом свидетельствует постоянно присутствующая американцам склонность считать нынешнее состояние дел страны упадком, которое профессор Дж. Най в начале XXI века назвал

вполне нормальным настроением общества США [1, с. 157]. Этот взгляд на самих себя не был историческим взглядом, взглядом, появившимся в результате влияния тех или иных факторов. Он был перенят у жителей Старого Света, поскольку для выработки собственного мировоззрения была необходима определенная степень ментальной и политической автономности, которой США до второй половины XX века в полной мере не владели.

Оттого и возникает столь популярный в наше время вопрос: изучая жизнеспособность современной сверхдержавы, следует ли опираться на опыт империй прошлого – древней Римской империи, империи Габсбургов и других, или феномен «бастарда» эпохи западного могущества дает особые характеристики его владельцу? Речь идет о неестественном социально-политическом и культурном образовании, где упадническое настроение в обществе является не результатом его развития, а базой для формирования новых попыток легитимации первенства страны. Так, в 1990-е Ф. Фукуяма пишет, что «конец истории» уже произошел в том смысле, что западные представления явили собой идеал политического устройства, а у Дж. Найя появляется идея о необходимости поддерживать распространение американской системы ценностей для поддержания своего первенства.

В 1987 году в США профессор Йельского университета, историк П. Кеннеди провел аналогию между судьбами великих империй прошлого и современным ему состоянием США, заключив: «США сейчас рискуют, что так знакомо историкам, изучающим взлеты и падения предыдущих Великих Держав, оказаться в ситу-

ации, которую грубо можно назвать – «имперское перенапряжение»: то есть те, кто принимают решения в Вашингтоне, должны столкнуться с долговременными трудностями, заключающимися в том, что общая сумма мировых интересов и обязательств США в настоящее время значительно больше их оборонной способности» [2, с. 515].

В своей работе П. Кеннеди аргументирует свое опасение традиционным представлением о великой державе как о государстве, разумно сочетающем свой экономический и военный потенциал. Проблема всех великих держав в мировой истории, по его мнению, заключалась в перенапряжении экономических и военных сил: «Слишком часто, однако, государственные деятели сталкиваются с обычной дилеммой: между обеспечением военной безопасности, при реальной или воспринимаемой ими таковой угрозой, которая потом становилась бременем для национальной экономики; и сохранением низких расходов на оборону, которое обнаруживает иногда интересы других стран, угрожающих государственной безопасности» [2, с. 539]. Столкнулась с этой проблемой и новая великая держава – США, для поддержания статуса которой пришлось буквально «рассеять» свое военное присутствие по всему современному миру, что вполне закономерно ударило по ее экономической и, соответственно, социальной стабильности. Именно в такой ситуации, сложившейся уже в конце XX века, и возникает боязнь граждан США не просто за статус страны в мире, но и вообще за ее способность выживания в случае продолжения политики вмешательства во все дела мира. П. Кеннеди, будучи историком, сравнивает политику страны с политикой древней Римской империи, указывая на то, за счет чего великое государство прошлого смогло так долго сохранять за собой статус лидера в своем регионе: «Империи, искусные в стратегическом искусстве и сумевшие просуществовать долго, например Римская, осознавали пределы своих возможностей и чаще всего старались их не превышать... Таким образом, границы влияния империи были установлены самим Римом. Чтобы сохранить свою силу, римляне с безжалостной решительностью делали выбор, на каких территориях они намерены остаться – и драться за них до конца, а куда после неудачи не будут пытаться проникнуть. Это, наряду с некоторыми другими причинами, позволило Римской империи просуществовать целых пять столетий» [3].

В этой связи П. Кеннеди в 1987 году говорил, что США останутся великой державой ми-

ра, что не отрицает спада их относительной мощи.

Современная американская интеллектуальная элита сводит вопрос об аналогиях между жизнеспособностью страны и судьбами держав прошлого к измененной международной ситуации – к процессам глобализации, либерализации, политике ядерного сдерживания и т.д., то есть аргументирует защиту идеи своей непохожести на предшественников, показывая себя как вершину политической мысли (это ярко выражено у уже упомянутых нами Ф. Фукуямы и Дж. Найя).

Налицо смещение основы аргументации позиции государства-лидера (и потенциальной жизнеспособности в принципе) в современном мире с традиционного военно-экономического, доступного уже не только государствам, но и отдельным организациям, к неполитическому уровню. Так, одним из вариантов смертельной угрозы для современных США объявлялся лавинообразный процесс дехристианизации, захвативший западный мир во второй половине двадцатого века, высказанный политиком П. Бьюкененом в книге «Смерть Запада» (2002 г.), показывающей, что остаться в живых страна сможет только при решении своих межкультурных, межэтнических и межконфессиональных вопросов. На процессы религиозного возрождения делает упор и С. Хантингтон, говоря о росте религий как движущей силе цивилизации. Все это показывает, что вопрос лидерства, по мнению всех приведенных выше авторов, решается в постъядерное время не государством, а обществом.

Также исходя из необходимости наличия неполитических предпосылок для достижения и сохранения за собой первенства в мире у современной великой державы, профессор Гарвардского университета Дж. Най вводит термин «мягкая сила».

«Мягкая сила – это возможность получить то, что вы хотите за счет своей привлекательности... которая складывается из привлекательности культуры государства, его политических идеалов, и проводимой политики. Когда наша политика выглядит правильной в глазах других, мягкая сила увеличивается» [4, с. 10]. Иначе говоря, речь идет не столько о распространении бренда, допустим, Coca-Cola или Hollywood, сколько о тех ценностях, которые распространяются через продукцию этих компаний, а также через сам факт их распространения, придавая стране положительный или отрицательный имидж в мировой политике.

Подчеркивается, что традиционные методы «кнути и пряника» не потеряли свою силу, но в

современных условиях они должны быть аккуратно скорректированы под конкретную историческую ситуацию, где лидерство держится совсем не на тех же основаниях, что лидерство, например, Британии в XIX веке.

По мнению Дж. Ная, США имеют долгую историю, связанную с использованием «мягкой силы»: это и прослушивание молодежи по ту сторону «железного занавеса» запрещенных американских радиостанций, и создание китайскими студентами копии статуи Свободы на площади Тяньаньмэнь как знака протеста, и так далее [4, с. 10]. Более того, согласно статистике социологических опросов, предоставляемых автором, негатив во взглядах европейцев на политику США в Ираке в 2003 году был направлен непосредственно на политику кабинета Джорджа Буша-младшего, что никак не уменьшает общие показатели положительного отношения к стране в целом. Иными словами, судьба «империи», по его мнению, не дает и повода для беспокойства, отчасти благодаря именно своей «мягкой» мощи.

Победителем на современной мировой арене может оказаться лишь тот игрок, который учел, что имеет дело с «трехмерной шахматной доской», на которой каждый может играть как по горизонтали, так и по вертикали. На верхней плоскости идет игра – за военное, на средней – за экономическое, а на нижней – за «мягкое» могущество. Но не приведет ли победа на всех «плоскостях» к еще более быстрому движению к ситуации обозначенной П. Кеннеди «имперской перенапряженности»? Автор концепции «мягкой силы» считает, что нет: «США могут опускаться в своей относительной мощи, но не из-за имперской перенапряженности, а из-за внутреннего недостаточного охвата» [1, с. 187], из-за потери уверенности граждан страны в свою культуру, по причине которой и пал Рим, сгнив изнутри.

Признание того, что в эпоху информации государство начинает занимать не центральное место в жизни людей [1, с. 114], а также безразличное отношение к тому, кто именно будет жить на данной территории (сохранится ли у них ощущение принадлежности к данной стране), ведет к отказу от применения по отношению к американскому обществу термина «национальное государство» как определения общности людей на конкретной территории с одинаковым языком и самосознанием. А это уже выглядит следующим шагом в развитии американского алармизма, поскольку переходит от оправдания жизнеспособности политического организма (через признание благополучия общества в данной стране) уже к признанию рассеивания государственной власти нормаль-

ным состоянием современной сверхдержавы, что безусловно ведет нас к тщательному изучению феномена современного лидера.

Проводя аналогию между взглядами людей XIX и начала XXI века, можно увидеть, что кризис концепции поступательного развития истории никуда не делся. Более того, из сказанного выше видно, что он превратился в аутентичное состояние, не воспринимаемое современниками как переходное. Подобное представление можно увидеть в немецкой философской мысли XIX века: Германия того времени дала миру как минимум две четкие завершённые системы, логично вышедшие из представления о поступательном развитии общества у Гегеля и Маркса. Завершённые в том смысле, что не оставляли в трактовке исторического процесса, как социального явления, «белых пятен», пустых мест, которые оказались непродуманными. В отличие от многих философских работ прошлого и будущего, данные авторы подарили миру до конца отработанные универсальные схемы развития общества.

Однако идея поступательного хода истории, объединявшая обоих, не могла не приводить к представлению о своем времени как времени расцвета мысли как таковой, а соответственно логичным выводом может стать заключение, что расцвет – это всегда последняя стадия развития. Так, у Гегеля мы видим, что немцами завершается передача эстафеты историческими народами в мировой истории, а у Маркса – общество достигает стадии капитализма, за которым следует социализм, – он выглядит скорее эсхатологическим мотивом, некоторого рода «фраем» для существования всех людей, чем очередной стадией поступательного процесса. Маркса отличает лишь то, что он осознал тупик исторического прогресса, к которому шагнуло современное ему общество: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т.е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях» [5, с. 14]. Так как экономика лежала в основе всей социальной философии Маркса, то не признать кризис исторического развития он не мог, «буржуазная наука достигла своего последнего предела, непереходного предела» [5, с. 14]. Отличие от современности, на наш взгляд, заключается только в том, что Маркс предлагал на тот момент только умозрительную картину развития общества, однако названные нами «эсхатологи-

ческими» мотивы в этом построении по приемам воздействия близки скорее неполитическому, чем традиционному военно-экономическому уровню. Особенно это заметно в работах Ленина, который скорректировал идею Маркса и Энгельса о социалистической революции, сказав, что революция может начаться с одного отдельного относительно «слабого звена» цепи империализма [6. с. 32–33, 118]. Революцию же в остальных странах будет делать собственный национальный пролетариат. Таким образом, речь опять идет о возможности воздействия через привлекательность предлагаемой системы ценностей, через прообраз «мягкой силы», которую получит новое государство по совершении революции на собственной территории.

Мыслители XIX века сделали то же, к чему приходит и общество в конце XX – начале XXI века: они показали, что мир уже достиг вершины своего развития (у Гегеля это особенно очевидно, если вспомнить, что философия у него является кульминацией развития мысли), явив миру немецкий народ и капитализм. Даже при том, что Маркс не заканчивал исторический процесс капиталистической формации, в реальной истории на путь построения социализма в чистом виде не ступила ни одна страна Запада. Очевидно, что для преодоления чувства безысходности в такой ситуации требуется качественная систематическая критика нового варианта «конца истории» вместо принятия современности как окончательной данности.

Эта необходимость проистекает также из того, что потенциал привлекательности тех или иных ценностей и соответствующей им политики не может держаться исключительно на самом себе. Для сохранения его мощи требуется либо военно-экономическая поддержка (материальная база для тоталитаризма), либо периодическое обновление ориентиров (политическая активность, подкрепляемая требованиями общества, что, впрочем, также возвращает к поиску материальной базы). Однако в таком случае, при наличии трудностей в финансовом секторе,

которые испытывают сейчас США, представляется не очевидным сохранение ими лидерской позиции в мире.

Исторический процесс, который, по Гегелю, начинался с Востока, достиг формально последнего географического рубежа. Дальнейшая история уже может либо наметить продолжение сложившегося поступательного развития – в случае, если лидерство перейдет к восточным странам (таким образом, исторический процесс вновь представится цикличным) либо приведет к кардинально новым формам лидеров на мировой арене – международным организациям. Последний вариант представляется нам едва ли возможным, поскольку приведет к плюрализму в сфере влияния на общественность и рассеиванию власти как таковой, а этим непременно воспользуется любая другая институция, отличающаяся систематическим воздействием.

Именно осознание Западом объективной незавершенности истории, рефлексия над собственной «апатией самодовольства», может позволить безболезненным образом преодолеть очередной этап исторического процесса.

Список литературы

1. Nye J. The Future of Power / NY.: Public Affairs, 2011. 320 p.
2. Kennedy P. The rise and fall of Great Powers/Random House, NY, 1989. 704 p.
3. Римская империя как пример самоограничения для Обамы [Электронный ресурс] // П. Кеннеди, радио Голос России. 08.01.2010. Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/01/08/3458028.html> (Дата обращения: 10.03.2013).
4. Nye J. Soft power: the means of success in world politics / NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Послесловие ко второму изданию // Собрание сочинений в 50 т. Т. 23. М.: Государственное изд-во полит. литературы, 1960. 918 с.
6. Красин Ю.А. Ленин, революция, современность. Проблемы ленинской теории социалистической революции / М.: Наука, 1967. 565 с.

AMERICAN ALARMISM AS THE STAGE OF DEVELOPMENT OF THE IDEA OF THE DEATH OF THE WEST

A. Y. Strizhov

The article examines the relationship between the idea of the death of the West, which appeared in the late 19th and early 20th centuries, and the fear of modern American society for the fate of the country (American alarmism). Draws attention to the similarities and differences between the «end of history», generated by the nineteenth century German philosophers, and American self-assertion itself as the new guardian of world values.

Keywords: historical process, alarmism, the death of the West, imperial overstretch, soft power, the end of history.